Изъ воспоминаній священника о. Никифора Хмѣлевскаго[1] объ упраздненномъ базиліанскомъ училищѣ, въ г. Умани.

Базиліанское училище, греко-уніатскаго вѣдомства, я помню съ 1820 г. Заведеніе это основано было въ Умани вмѣстѣ съ базиліанскимъ монастыремъ графомъ Францискомъ-Салезіемъ Потоцкимъ въ 1766 г.; на содержаніе училища Потоцкій подарилъ два селенія: Грежановку и Ксендзовку, находящіяся вблизи Умани, съ принадлежащими къ нимъ землями и лѣсами. Доходы съ этихъ селеній всякій годъ употреблялись исключительно на содержаніе сего училищнаго заведенія. Въ нихъ жили два прокуратора—монахи завѣдывающіе хозяйствомъ. Имѣнія эти пожертвованы были навсегда въ пользу училища.

Базиліанскіе монахи составляли штатъ преподавателей училища. Ректоромъ былъ въ 1830 г. іеромонахъ, окончившій курсъ академіи, Литинскій, а въ 1832 г. Скибовскій Антоній, который по присоединеніи въ 1840 г. къ православію остался православнымъ архимандритомъ въ Тригурскомъ монастырѣ (около

---

[1]) О. Никифоръ Хмѣлевскій родился въ 1814 г. въ с. Россошѣ, (гайсинскаго у. под. губ., гдѣ отецъ его былъ уніатскимъ приходскимъ священникомъ. Съ 1821 по 1831 г. воспитывался въ уманскомъ базиліанскомъ училищѣ; затѣмъ, въ 1839 г. онъ присоединился къ православію, былъ рукоположенъ въ священника и въ 1856 получилъ приходъ въ с. Ольшанкѣ (уманскаго у.), который занималъ въ теченіи 30 лѣтъ. Благодаря его энергіи и умѣнію ладить съ людьми и обстоятельствами онъ успѣлъ значительно обстроить свой бѣдный приходъ: возвратилъ церковную землю, захваченную въ началѣ столѣтія помѣщиками, построилъ церковь, которой не было вовсе въ приходѣ, домъ для помѣщенія причта и т. д.

Житомира); инспекторомъ былъ Андрушкевичъ, тоже іеромонахъ, профессора были всѣ іеромонахи; всякій изъ нихъ преподавалъ отдѣльный предметъ: латинскій языкъ—Дашкевичъ, географію—Козловскій, Куфинскій—музыку и т. д., всѣхъ преподавателей было восемь душъ, 9-й префектъ, 10-й ректоръ и 2 прокуратора въ селеніяхъ. Всѣ они держали очередныя служенія, которыя ежедневно совершались. Кромѣ выполненія монашескихъ обѣтовъ, главною обязанностію всѣхъ, какъ начальствующихъ, такъ и учащихъ, было воспитаніе юношества въ повиновеніи и преданности обрядамъ и уставамъ римско-католической религіи, безусловной покорности старшимъ, а въ особенности—родителямъ. Въ случаяхъ нарушенія порядка училищнаго, ученикъ не имѣлъ права объясняться, выгораживать себя, а долженъ былъ слушать и выполнять то, что ему было внушаемо. И случаевъ ко внушенію было много; профессора имѣли такую ревность преподавать наставленія ученикамъ, что малѣйшій проступокъ ученика, или неожиданная встрѣча съ профессоромъ вызывали цѣлый ворохъ наставленій отъ него съ текстами изъ св. Евангелія, посланій апостольскихъ, историческими примѣрами и т. п. и все это на польскомъ языкѣ. Требовали, чтобы каждый ученикъ училищную инструкцію зналъ наизусть и соблюдалъ ее какъ святыню, какъ требованіе религіи.

Въ училищѣ учениковъ во всѣхъ семи классахъ съ приготовительнымъ было до 800 душъ и болѣе. Всѣ они были римско-католическаго исповѣданія; греко-уніатскаго исповѣданія о. Никифоръ, помнитъ, Хмѣлевскихъ 3-хъ, Савицкаго 1, Козловскаго 1, Свидерскаго, а православныхъ всѣхъ было 13 душъ, которые въ великій постъ исповѣдывались въ уманскомъ Николаевскомъ соборѣ православнымъ священникомъ. Въ томъ же самомъ зданіи состоялъ *конвиктъ* (общія квартиры, пансіонъ), т. е. на содержаніи монастырскомъ были дѣти болѣе богатыхъ и знатныхъ родителей, по преимуществу помѣщиковъ, владѣвшихъ крестьянами свыше 100 душъ [1]). Конвикторы зани-

---

[1]) Оригинальная подробность нравовъ шляхты юго-западнаго края во время крѣпостное: шляхетское общество, въ силу установившихся нравовъ, распалось на

мались преимущественно иностранными языками, музыкою, танцами и фехтованіемъ. На все это имѣлись свѣтскіе заграничные преподаватели. По окончаніи курса Базиліанскаго училища такіе воспитанники поступали въ заграничныя учебныя заведенія. Средняго состоянія ученикамъ, окончившимъ 7 классовъ училища, если замѣчали, что ученикъ хорошаго, нравственнаго направленія, не выдавали свидѣтельствъ для полученія права на поступленіе на какую либо стороннюю должность, а оставляли таковыхъ при училищѣ для пользы учениковъ низшихъ классовъ, т. е. въ качествѣ репетиторовъ и размѣщали по квартирамъ такъ, что безъ надзора репетитора не было ни одной квартиры; да и хозяинъ не имѣлъ права держать на квартирѣ учениковъ, если не заявилъ себя и своего дома съ нравственной стороны предъ начальствомъ училища. Репетиторъ квартирный былъ обязанъ смотрѣть за подчиненными ему учениками по религіозной части, нравственной; также за здоровьемъ ученика, за сномъ его, имуществомъ, учебными принадлежностями, объяснять ученику урокъ, выслушать его и, если ученикъ не зналъ урока, то заставить его выучить; репетиторъ имѣлъ право *положить* ученика и два раза его ударить, а *пали* дать пять разъ; при молитвахъ утреннихъ и вечернихъ онъ всегда присутствовалъ; молитвы всегда произносились на польскомъ языкѣ вслухъ однимъ изъ учениковъ, всѣ слушали,

---

двѣ категоріи: помѣщиковъ настоящихъ (obywatele), владѣвшихъ помѣстьями свыше 100 душъ м. п. и мелюзгу (собственно szlachta), владѣвшую болѣе мелкими помѣстьями или вовсе не имѣвшую помѣстій. Первая категорія относилась ко второй съ презрѣніемъ, обзывая ее сволочью (szuja), вторая попрекала первую въ панствѣ и, руководясь конечно завистью, утверждала, будто паны измѣняютъ народному дѣлу, разрушая предками созданный принципъ шляхетскаго равенства. Эта борьба двухъ категорій шляхетства особенно рѣзко проявилась въ промежутокъ времени 1840—1850, когда во многихъ городахъ юго-западнаго края образовали т. н. *рессурсы* (т. е. нѣчто въ родѣ дворянскихъ клубовъ съ танцовальными вечерами, карточною игрою и т. п.) Основатели рессурсъ поставили цензъ 100 душъ для права участвовать въ клубѣ (впрочемъ тотъ-же цензъ давалъ право голоса на дворянскихъ выборахъ). Мелкопомѣстные шляхтичи и особенно судовые панычи (kancelaryści), которыми кишѣли уѣздные города, со скрежетомъ зубовъ встрѣтили это ограниченіе, но такъ и не добились участія въ рессурсахъ, гдѣ танцовали и играли въ карты исключительно „obywatele“, а „szuja“ вовсе не допускалась.

стоя на колѣняхъ, а репетиторъ, тоже стоя на колѣняхъ сзади учениковъ, наблюдалъ за общимъ порядкомъ и вниманіемъ учениковъ къ молитвѣ. Если ученикъ шелъ но необходимости въ городъ, то репетиторъ обязанъ былъ осмотрѣть его штатный костюмъ, пуговицы, сапоги и дать ему на руки записку—на сколько времени онъ отпущенъ и посылалъ съ нимъ благонадежнаго ученика, чтобы тотъ не опоздалъ или не былъ кѣмъ либо обиженъ.

Исправленіемъ нравственности учениковъ, ихъ поведенія, а также съ цѣлію усиленія занятій ихъ по учебной части, служила въ училищной практикѣ *марка* т. е. запись, это была книжечка, въ которую записывались шалости и проступки противъ нравственности, именно: грубое непочтеніе къ старшему, неопрятность, гнусность, неприличное выраженіе словомъ, несоблюденіе порядка за столомъ во время обѣда или ужина и т. п. Если книжечка съ записью о проступкѣ ученика побудетъ у него часъ, то за вину, кромѣ классическихъ уроковъ, ученикъ долженъ выучить на память 10 *вокабуловъ* на языкѣ, какой будетъ ему назначенъ: французскомъ, латинскомъ или нѣмецкомъ и разобрать эти слова по склоненіямъ. Въ случаѣ же, если ученикъ сдаетъ книжечку другому до часа времени, то наказывается по мѣрѣ вины. Такихъ книжечекъ или марокъ на каждыя три квартиры была одна. Къ обязанностямъ репетитора относилось: утромъ, по выслушаніи уроковъ квартирантовъ, составлять квартирную эррату, въ которой означались поведеніе и успѣхи по предметамъ. Также была общая для всего класса эррата. Каждаго дня утромъ всякій репетиторъ, подъ непосредственнымъ своимъ надзоромъ, приводилъ учениковъ въ костёлъ, гдѣ каждый становился на свое мѣсто. Если же я, примѣрно, сынъ греко-уніатскаго священника, то я долженъ явиться за 10-ть минутъ до Богослуженія къ очередному священно-служащему профессору, сотворить молитву: „Laudetur Iesus Christus“ и постучать въ келейныя двери, на что онъ отвѣчаетъ: „in secula seculorum amen“, отворяетъ двери и я съ нимъ прихожу въ *закристію*, одѣваю его въ облаченіе и провожу съ колокольчикомъ въ костёлъ для отправленія читанной *мши*, такъ назы-

ваемой *примаріи*. По выслушаніи Богослуженія, на которомъ знающіе поютъ группою Божественные гимны, всѣ отправляются по классамъ и сдаютъ свои уроки авдиторамъ въ продолженіи получаса. По первому звону колокольчика всѣ садятся на мѣста; по входѣ профессора прислуживавшій при совершеніи *мши* читаетъ въ классѣ на латинскомъ языкѣ молитву: „Veni Sancte Spiritus etc“. Разсмотрѣвши эррату общую, профессоръ по алфавиту вызываетъ учениковъ на средину класса говорить урокъ и затѣмъ требуетъ передать его своими словами. Переспросивши такимъ образомъ нѣсколько десятковъ учениковъ, профессоръ проходитъ между скамьями и, смотря каждому пристально въ глаза, усматриваетъ незнающихъ урокъ, записываетъ и вызываетъ на средину отвѣчать. Дѣйствительно оказывается, что изъ числа вызванныхъ 30 человѣкъ, едва 5 или 6 знаютъ урокъ. Тогда профессоръ смотритъ въ эрраты, справляются какъ тамъ они записаны и вызываетъ для справки самихъ авдиторовъ. Незнающіе должны до окончанія занятій по классу стоять на колѣняхъ и выучить непремѣнно урокъ, если же не выучатъ, то нѣкоторыхъ, для примѣра другимъ, наказывали розгами, но наказывали въ томъ случаѣ, если ученикъ былъ замѣченъ въ шалости въ костёлѣ, классѣ или на квартирѣ; если иногда бывали оторваны пуговицы при одеждѣ, или она замарана, сапоги нечисты, сумка для классныхъ принадлежностей не въ порядкѣ, если книгъ всѣхъ ученикъ не имѣлъ, если онъ былъ разсѣянъ, то выводили его на середину класса при двухъ присутствовавшихъ *каляфакторахъ* [1])—силачахъ; профессоръ велѣлъ раздѣвать виновнаго и, сообразно съ виновностію, читалъ ему нотацію. Раздѣваніе его производилось медленно и, если виновный обнаруживалъ раскаяніе и обѣщалъ исправиться относительно успѣховъ въ наукахъ и въ нравствен-

---

[1]) Каляфакторомъ въ базиліанскихъ и іезуитскихъ училищахъ назывался избранный въ каждомъ классѣ школьнымъ начальствомъ ученикъ, великовозрастный и потому превосходившій товарищей физическою силою. Онъ, по приказанію начальства, обязанъ былъ въ классѣ исполнять роль палача надъ товарищами и отчасти класснаго служителя: производилъ сѣченіе, подавалъ мѣлъ и т. п., въ награду за эти услуги онъ получалъ даровое содержаніе въ конвиктѣ.

номъ отношеніи, то всё наказаніе ограничивалось раздѣваніемъ при 200 иногда ученикахъ; если же виновный старался оправдаться и профессоръ находилъ, что оправданіе его не правдоподобно, то его клали и самъ авдиторъ его наносилъ ему одинъ или два удара розгою *на голо*. Вообще, при такихъ случаяхъ внушалось ученикамъ послушаніе, смиреніе, кротость и повиновеніе начальствующимъ. Такой порядокъ или пріемъ былъ принятъ при наставленіи учениковъ первыхъ 4 классовъ. Въ остальныхъ трехъ классахъ вину ученика, а тѣмъ болѣе сопротивленіе его, излагали на четвертушкѣ или полулистѣ бумаги, прикалывали на спинѣ виновнаго и поручали двумъ *калефакторамъ*—силачамъ подъ руки провести виновнаго по старшимъ классамъ. Приведши въ классъ, его ставили спиною къ ученикамъ и профессоръ вслухъ читалъ вину ученика; классный же профессоръ, вставши съ каѳедры и съ жестомъ обращаясь къ ученикамъ, поднимавшимся съ мѣстъ на ноги, обличалъ виновнаго приведеннаго, стыдилъ его и дѣлалъ нравственныя назиданія всему классу въ томъ смыслѣ, чтобы каждый изъ нихъ избѣгалъ подобныхъ проступковъ и не поддавался искушенію.

На всѣ классы были назначены тайные смотрители изъ лучшихъ по поведенію учениковъ 5-го класса, такъ называемые *окультусы*, имѣвшіе отъ училищнаго начальства свидѣтельства, которыя хранили при себѣ на всякій случай; они отправлялись секретно по квартирамъ, переодѣваясь въ различные костюмы. При посѣщеніи квартиры заходили прежде всего въ комнаты хозяина подъ различными предлогами и высматривали какъ ведутъ себя ученики и поведеніе каждаго записывали; они же по очередно ходили въ театръ, клубъ, на танцовальные вечера, въ садъ Софіевку, высматривать учениковъ. Ученики, посѣщавшіе подобныя собранія, преимущественнодѣти состоятельныхъ родителей, одѣвались для этого въ цивильное платье. Такихъ то нарушителей инструкціи училищной, подмѣченныхъ окультусами, водили по классамъ и *презентовали*. Всякій мѣсяцъ неожиданно посѣщала квартиры ревизія, состоявшая изъ префекта или профессора, 2 учителей

и 4 каляфакторовъ. На квартиру, заподозрѣнную по доносу тайныхъ окультусовъ, въ 9 или 10 ч. ночи неожиданно являлись означенныя лица и по входѣ въ квартиру ставили 2 каляфакторовъ на дверяхъ, а 2-хъ во дворѣ подъ окнами и профессоръ отъ репетитора требовалъ свѣдѣній о нравственномъ состояніи учениковъ и велѣлъ подавать квартирную эррату о мѣсячномъ ихъ поведеніи. Просмотрѣвши эррату, онъ требовалъ списковъ одѣянія, бѣлья, библіотеки и имущества всякаго ученика. У кого оказывалось цивильное одѣяніе, кромѣ штатнаго, велѣлъ забирать каляфакторамъ. Книги, запрещенныя инструкціею, и все вообще противузаконное отбиралось для продажи съ публичнаго торга въ пользу бѣдныхъ учениковъ, хорошо обучавшихся. Если же хозяинъ оказывался пособникомъ ученикамъ въ нарушеніи инструкція училища, то закрывали квартиру, а репетиторамъ дѣлали публичный выговоръ въ присутствіи всей училищной корпораціи въ первый разъ, а во второй разъ отказывали отъ репетиціи.

Въ 1831 или 1832 г. послѣ польскаго возстанія былъ вызванъ въ С.-Петербургъ ректоръ училища Скибовскій и, какъ помнится, по подозрѣнію въ участіи въ возстаніи польскомъ учениковъ старшихъ классовъ. По оффиціальномъ закрытіи училища всѣ ученики были удалены изъ него; нѣкоторые изъ нихъ пошли въ повстаніе, а профессора были размѣщены по монастырямъ православнымъ, такъ какъ многіе изъ нихъ приняли православіе, а одинъ, именно Іануарій Дашкевичъ, не принялъ православія и находился въ подольской губерніи, балтскаго уѣзда, въ с. Семидубахъ у помѣщицы Богуцкой; съ нимъ мнѣ приходилось видѣться въ 1857 году; посѣщалъ онъ церковь тамошняго прихода, служить никогда не служилъ и пріобщался св. таинъ въ св. четыредесятницу возлѣ св. престола въ своемъ габитѣ и епитрахили. При погребеніи его былъ споръ: католическіе ксендзы настаивали, чтобы погребать его, по желанію помѣщиковъ, по католическому обряду,

но православные священники, опираясь на томъ, что онъ уніатскій монахъ, пріобщался св. таинъ возлѣ св. престола въ православномъ храмѣ, одѣли его какъ священника и отпѣли надъ нимъ священническое погребеніе въ с. Курячахъ [1]) подольской губерніи.

Свящ. Вик. Илляшевичъ.

[1]) Или въ с. Семидубахъ.